

ЭТНИЧЕСКОЕ КВОТИРОВАНИЕ И КОНСОЦИАТИВНАЯ МОДЕЛЬ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: 1922-2022

А.А. Татаров

На протяжении советского периода и постсоветских десятилетий политическое управление и формирование органов государственной власти на Северном Кавказе опирались на национальную политику, направленную на интеграцию этносов в консоциациях (плюралистических обществах). В статье исследуется построение плюралистических обществ на примере Кабардино-Балкарии и через призму исторического институционализма и анализа порядков ограниченного доступа к ренте. Углубляясь в исторический контекст последних ста лет, автор затрагивает формирование принципов, формальных и неформальных правил, которые становятся апробированными установками и используются советскими и экс-номенклатурными политическими лидерами Кабардино-Балкарии. В контексте институционального подхода этническое представительство представит как институт, способствующий снижению насилия в борьбе за власть и интегрирующий правящие коалиции в многонациональных политиях. Основной акцент в статье сделан на выявление динамики конфигурации этнического квотирования на региональном уровне в исполнительной и законодательной власти, а также в сфере ключевых должностей. Помимо определения этнических квот как в определенной степени унаследованных советских практик, которые воспроизводятся как в хрупких, так и в базовых социальных порядках, рассматриваются случаи отклонения от общепринятых конфигураций этнического представительства в органах власти и связь девиаций со стабильностью политического урегулирования. Утверждается, что этнические квоты являются важным инструментом сохранения социальной и территориальной интеграции в многонациональной Кабардино-Балкарии на протяжении последних ста лет. Долговременное воспроизводство данного института в Кабардино-Балкарии актуализирует вопросы о сравнении консоциативных регионов Северного Кавказа и причин развития в них разных моделей этнического представительства в политической сфере.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, этническое квотирование, сфера управления, политическое урегулирование, хрупкий и базовый порядки ограниченного доступа к ренте.

Северный Кавказ на протяжении столетия является площадкой для выращивания институтов, способствующих поддержанию консоциативных, т.е. многосоставных, обществ, в которых этнические группы выступают как политические структурные сегменты. Наиболее интенсивная разработка государственных механизмов консолидации полиэтнических регионов приходится на 1920-1980-е гг. В ходе государственного строительства и инвестиций из Центра в таких консоциациях, как Кабардино-Балкария (образована в статусе автономной области

в 1922 г.), вопросы этнического представительства являлись одним из ключевых направлений регионального измерения национальной политики. Однако уже в 1930-х гг. политический курс, направленный на подготовку кадров и элит титульных национальностей, начал отступать из публичного пространства в связи с переходом к «бесшумной коренизации» [1, 372–373]. Выражаясь словами Дж. Скотта, этническое представительство стало больше напоминать коммунистические практики, в которых акторы являются аудиторией [2, 59]. Тем не менее, дефор-

мализация этнического квотирования не привела к его исчезновению.

После распада СССР некоторые из традиционных, в определенной степени унаследованных, практик учета национальности при формировании правящей элиты продолжают оказывать влияние на распределение общественных благ и политической ренты. К их числу относятся этническое квотирование на Северном Кавказе, система рекомендаций в Азербайджане, баланс представительства руководителей регионов в странах Средней Азии [3, 31].

С одной стороны, мы видим общую систему координат – контроль над лидерами, ответственными за стратегическими группами в многоэтническом пространстве всегда остается актуальной задачей государства. И хотя кооптация этнических лидеров не всегда может способствовать созданию скрепляющих правил в государстве (*binding rules*) [4, 222–223], данная практика воспроизводится на глобальном уровне.

С другой стороны, открыты вопросы о том, как развивается пропорциональная модель этнического квотирования, в частности в Кабардино-Балкарии, и какие факторы влияют на воспроизводство и ключевые изменения динамики практически не укоренившегося в законодательстве института.

В зарубежной социально-политической мысли проблема этнического представительства зачастую рассматривается через призму консоциативной демократии. Согласно одному из первых создателей концепции А. Лейпхарту [5], данная политическая модель заключается в компромиссном существовании многоэтнического общества через развитие четырех наборов институтов: большая коалиция и представительство (формальное этническое квотирование), автономия сегментов (к примеру, этнических территориальных областей и религиозных

общин), пропорциональность представительства, право меньшинств на вето (например, в образовательной и языковой политике).

Как отмечают некоторые современные исследователи, основные изъяны классической консоциативной теории заключаются в том, что она дает качественные объяснительные возможности только на ограниченных временных этапах или в период разрешения конфликтов в многоэтнических обществах [6; 7], а также не гарантирует рецепт долгосрочной стабильности [8; 9; 10]. Ко всему прочему, возможности имплементации консоциативной демократии в постсоветском пространстве выглядят неоднозначно на фоне существования советского институционального наследия.

Современные труды по проблемам этнического квотирования на Северном Кавказе [11; 12; 13], структуры северокавказских элит [14], трансформации элит (Тетуев, 2016) [15], взаимосвязи между этнической мобилизацией и политическим дискурсом [16; 17; 18] демонстрируют то, что конфигурации этнического представительства в государственных органах во многом унаследованы от советской эпохи и глубоко укоренены в стратегиях рекрутирования элит на Северном Кавказе.

В данной статье исторический анализ этнического квотирования в Кабардино-Балкарии проводится на базе оптики и терминологии институционального подхода Д. Норга и его коллег [19]. Согласно данному подходу, большая часть современных стран может быть причислена к одной из трех моделей естественного государства: хрупким, базовым или зрелым порядкам ограниченного доступа. Если в условиях хрупкого порядка государство не может осуществлять полноценный контроль над насилием и сосуществует с автономными центрами насилия, то в базовых порядках элиты ограничивают доступ к ренте, замыкая его на себе,

и используют распределение ренты как стимул для сдерживания насилия внутри правящей коалиции, а государство стремится к поддержанию неконкурентных, т.е. находящихся под его контролем ему организаций.

С точки зрения подхода Д. Норта и его коллег мы можем выделить несколько этапов в политической истории Кабардино-Балкарии. В советскую эпоху прослеживаются периоды хрупкого (1920-е – первая половина 1950-х гг.) и базового (вторая половина 1950-х – конец 1980-х гг.) порядков ограниченного доступа. С распадом СССР государственные институты снова оказываются в хрупком положении, до тех пор, пока реинтеграция и реформы 2000-х гг. не возрождают базовый порядок.

1920-1950-е гг. являлись временем модернизации и социальных потрясений на Северном Кавказе, ломкой традиционных институтов и развития новых «правил игры». В этот период государство порой мирилось с автономными центрами насилия и конкурентными явлениями. В частности, в 1920-х гг. ранние политические элиты Кабардино-Балкарии вынуждены были считаться с шариатским движением и одним из его лидеров Н. Катхановым, советская система образования – с сетью мусульманских школ и т.п. Жесткие репрессии и распространение тоталитарного режима обеспечили усиление монополии государства на насилие и его контроля над формированием организаций. Угрозу для политической коалиции представляли автономные центры насилия, в частности антисоветские вооруженные группы. Переход к базовой модели в Кабардино-Балкарской автономии (в 1922-1936 гг. – Автономная Область, с 1936 г. – Автономная Республика) происходил через испытания Великой Отечественной войны и депортацию балкарцев и завершился после восстановления эко-

номики и реабилитации жертв репрессий.

С 1917 г. для северокавказских народов решалась судьба нового вектора политического развития. Два проекта, Горская республика и Горская Автономная Социалистическая Советская Республика (ГАСССР), столь близкие в своих географических и демографических рамках, предлагали совершенно разные перспективы. Горская республика открывала возможности развития консоциативной демократии. С приходом к власти большевиков, проект был делегитимирован, но и эксперимент с ГАСССР не обеспечил эффективной консолидации в «неспокойном» крае.

Выход Кабарды из ГАСССР в 1921 г. продемонстрировал не только объективные сложности проекта советской горской федерации, но и схожие интересы национальной элиты и Центра. С одной стороны, X съезд РКП (б) в 1921 г. обозначил запуск политики коренизации, заключавшейся в систематическом повышении доли представителей северокавказских этносов в партийно-государственном аппарате. С другой стороны, кабардинские политические лидеры были заинтересованы в появлении Кабардинской автономии на фоне роста национального движения в этот период [20, 41, 44]. Интересам Центра отвечало последующее объединение Кабарды и Балкарии в 1922 г. В условиях коренизации и примордиалистского подхода был запущен процесс формирования титульных национальностей. В 1924 г. посетивший КБАО А.И. Микоян¹ с удовлетворением отмечал достижение национального мира между тремя основными этническими группами – кабардинцами, балкарцами и русскими [21, 92].

1920-1930-е гг. ознаменовались поиском стабильности и ликвидацией государством автономных центров насилия. В условиях хрупкого порядка этническое

квотирование лишь обрело свои классические черты, что выливалось в постепенном и экспериментальном переходе к устойчивой конфигурации представительства. С принятием «Положения об объединении Кабарды и Балкарии» в августе 1922 г. обозначился принцип паритетного представительства трех основных этнических групп в исполнительной власти. Балкарское представительство в обкоме КБАО изначально осуществлялось при помощи кооптации коммунистической элиты с правом сохранения за Балкарским оргбюро статуса окружного комитета партии [21, 83].

В 1930-х гг. состоялись отход от политики коренизации и поворот к унификации, а вместе с тем такие перемены как приток русскоязычного населения и снижение доли титульного населения в автономиях. Ключевую должность в Кабардино-Балкарии (первый секретарь обкома ВКП (б)) занимали преимущественно представители наиболее многочисленной титульной национальности (кабардинцы) – Б.Э. Калмыков (1930-1938 гг.) и З.Д. Кумехов (1939-1944 гг.)².

Из ведения первого секретаря обкома Калмыкова был выведен исполнительный комитет, который возглавляли балкарцы К.Е. Ульбашев (1930-1934 гг.) и И.О. Черкесов (1934-1937 гг.). С 1939 г. балкарцы занимали должность председателя Президиума Верховного Совета КБАССР – А.Г. Мокаев (1939-1941 гг.) и И.Л. Ульбашев (1941-1944 гг.). Одновременно кабардинцы закрепились на должности председателя Совета Народных Комиссаров КБАССР – Т.А. Жакомихов (1938-1939 гг.) и Х.К. Ахохов (1939-1944 гг.).

Период Великой Отечественной войны стал тяжелым испытанием для Кабардино-Балкарии, которая оказалась в зоне боевых действий и нацистской оккупации 1942-1943 гг. В Центре усилилось раздражение по «северокавказскому вопросу»,

в результате чего был ограничен призыв горцев Северного Кавказа в армию, а оценка по бандитизму в автономиях стала учитываться при подготовке репрессий и критики региональных элит. Негативная оценка работе первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) З.Д. Кумехова была вынесена в подготовленной его преемником Н.П. Мазиним политической справке [22, 22].

В период работы первых секретарей Кабардинского обкома партии³ Н.П. Мазина (1944-1949 гг.) и В.И. Бабича (1949-1956 гг.), приехавших из других регионов, кабардинцы были лишены возможности занимать ключевую должность и назначались на должность второго секретаря. Вместе с тем доля кабардинцев в Верховном Совете Кабардинской АССР II, III и IV созывов, поступательно росла, значительно превысив демографические пропорции (табл. 1).

С возвращением балкарцев республика встала на путь полноценного восстановления классической консоциации. В целом титульные национальности Северного Кавказа получили более широкие возможности политического участия. Если в сталинскую эпоху форсированная модернизация и массовые репрессии откладывали вопрос о гибком этническом представительстве в сфере управления, то с конца 1950-х гг. в регионах с титульными национальностями стали вырисовываться долговременные закономерности. Переход к базовой модели естественного государства и новые успехи региональной индустриализации расширили кредит доверия северокавказским автономиям со стороны Центра. Постепенно, «союзные власти склоняются к тактике полуофициального квотирования как способу поддержания внутриаппаратного этнического баланса» [23, 83].

В брежневскую эпоху окончательно сложились практики, гарантирующие

региональным элитам приток инвестиций и ренты в обмен на лояльность к Центру, в то время как корпоративные сделки (*Corporalist Deal*) [24], и полуформальные/неформальные соглашения между Центром и локальными акторами определили механизмы политического урегулирования, которые применяются и в постсоветскую эпоху. Следует заме-

тить, что СССР к концу брежневской эпохи достиг по некоторым признакам, определяемым Д. Нортон и его коллегами, стадии зрелого порядка, либо по крайней мере к этой стадии существенно приблизился – успехи в консолидации контроля государства над насилием достоверные обязательства правительства перед организациями и институтами,

Таблица 1.

Представительство основных этнических групп
в законодательных органах власти КАССР, КБАССР и КБР в 1940-2010-х гг.

Этническая группа	Кабардинцы	Русские	Балкарцы
Доля этнической группы в населении (1939), %	42,4	35,9	11,3
Верховный Совет Кабардинской АССР (1947), % II	54,1	37,6	(депортированы)
Верховный Совет КАССР (1951), % III	57,1	37,7	(депортированы)
Верховный Совет КАССР (1954), IV созыв, %	61,8	37,1	(депортированы)
Доля этнической группы в населении (1959), %	45,3	38,7	8,1
Верховный Совет КБАССР (1959), V созыв, %	53,8	30,7	12,8
Верховный Совет КБАССР (1963), VI созыв, %	48,1	33,0	15,0
Верховный Совет КБАССР (1967), VII созыв, %	47,1	34,7	15,2
Доля этнической группы в населении (1970), %	45,0	37,2	8,7
Верховный Совет КБАССР (1971), VIII созыв, %	46,8	34,0	15,6
Верховный Совет КБАССР (1975), IX созыв, %	45,7	34,5	16,9
Доля этнической группы в населении (1979), %	45,5	35,1	9,0
Верховный Совет КБАССР (1980), X созыв, %	45,8	35,6	15,9
Верховный Совет КБАССР (1985), XI созыв, %	46,2	36,0	13,9
Доля этнической группы в населении (1989), %	48,2	31,9	9,4
Верховный Совет КБАССР (1990), XII созыв, %	59,6	23,7	14,1
Парламент КБР, I созыв (1993), %	58,7	25,3	14,7
Парламент КБР, II созыв (1998), %	55,0	20,0	20,0
Доля этнической группы в населении (2002), %	55,3	25,1	11,6
Парламент КБР, III созыв (2003), %	57,4	18,5	18,5
Парламент КБР, IV созыв (2009), %	59,7	13,8	20,8
Доля этнической группы в населении (2010), %	57,2	22,5	12,7
Парламент КБР, V созыв (2014), %	52,9	24,3	21,4
Парламент КБР, VI созыв (2019), %	57,1	21,4	18,6

Составлено по: Население Кабардино-Балкарии. URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnkbr.html>; Зумакулов Б.М. Институт выборов в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2005. С. 261–318. (*Списки депутатов Верховного Совета КАССР и КБАССР*); Салгириев А.Л. Структура политической элиты в полиэтничных республиках Северного Кавказа // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2015. № 2. С. 86; Сайт Парламента КБР (IV, V, VI созывы). [Электронный ресурс]. URL: <http://parlament.kbr.ru/sostav-i-struktura/arkhivnaya-informatsiya/iv-sozyv/deputatskiy-korpus/obshchiy-spisok-deputatov/>; <http://parlament.kbr.ru/sostav-i-struktura/arkhivnaya-informatsiya/v-soziv/deputatskiy-korpus/sostav-deputatov-parlamenta-kbr-v-sozyva.php>; <http://parlament.kbr.ru/sostav-i-struktura/deputatskiy-korpus/>

рост числа механизмов саморегулирования политической системы [25, 13–14, 16, 23]. Дискуссия о том, черты какого порядка, базового или зрелого, преобладали в СССР и его регионах к началу перестройки, остается открытой.

Определенные конфигурации этнического квотирования и баланс профессионализма и лояльности позволили сформировать региональные элиты, обеспечившие со второй половины 1950-х гг. стабильное положение в Кабардино-Балкарии. Символическое сближение Центра и ряда автономий было подчеркнуто в 1957 г. в ходе празднования «400-летия добровольного присоединения» адыгов к России, прошедшего в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Данные мероприятия совпали с началом процесса реабилитации репрессированных народов. Президиум Верховного Совета СССР наградил Кабардино-Балкарскую АССР (второй раз после 1930 г.), Карачаево-Черкесскую и Адыгейскую АО орденами Ленина.

В период работы первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома КПСС Т.К. Мальбахова (1956-1985 гг.) на республиканском уровне сложился политический баланс, обеспечивавший межэтническую солидарность – в то время как представитель кабардинцев занимал должность первого секретаря, председателями Президиума Верховного совета КБАССР назначались представители вернувшихся из депортации балкарцев – Ч.Б. Уянаев (1959-1967 гг.) и М.И. Геттуев (1967-1979 гг.). Вторыми секретарями обкома избирались русские – Г.А. Хубаев (1957-1968 гг.) и Н.Н. Крупин (1968-1977 гг.). Выборы в Верховный Совет КБАССР при Т.К. Мальбахове зафиксировали максимально близкие к демографическим пропорциям показатели (табл. 1).

С окончанием брежневской эпохи сложились условия для применения географической ротации, и первым се-

кретарем обкома был назначен бывший первый секретарь Хакасского обкома Е.А. Елисеев (1985-1990 гг.). Прежняя конфигурация, а вместе с ней и стабильность политического урегулирования были нарушены [3, 91]. По мнению М.И. Докшкова⁴ в условиях «перестройки» возросло давление Центра на коммунистическую элиту республики [26, 106]. Несмотря на отход от некоторых сложившихся практик, к концу 1980-х гг. все еще работали механизмы дублирования доступа представителей титульных национальностей для общего управления отраслями. Так, при Е.А. Елисееве вопросы сельского хозяйства находились в ведении как второго секретаря (кабардинец), так и в отделе компартии (балкарец) на IV уровне [3, 91–92] (схема 1).

Дальнейшее ослабление центральной власти отразилось на этническом квотировании. Последний XII созыв Верховного Совета КБАССР 1990 г. состоялся уже при новом первом секретаре обкома В.М. Кокове (кабардинец), и представительство русских упало до самых минимальных показателей за всю историю Верховных Советов Кабардино-Балкарии (табл. 1).

С распадом СССР комплекс факторов привел к расстройству прежнего политического урегулирования: 1) потеря региональными политическими элитами рычагов государственности и денежно-кредитной политики, 2) общераспространенная скрытая фрагментация государства, 3) ослабление монополии государства на правосудие и налогообложение, 4) снижение государственного легитимного насильственного потенциала, 5) расширение круга субъектов политики [27, 276–278] за счет появления автономных центров насилия, в том числе легитимных. Элиты Кабардино-Балкарии столкнулись с «дуализмом легитимации политических институтов и практик» [28, 47].

Постсоветский политический курс В.М. Кокова (1992-2005 гг.) попадает на период хрупкого порядка и начала двойного выхода к базовому порядку. С одной стороны на республиканском уровне идет процесс кооптации оппозиционных этнических организаций и политических лидеров, а с другой стороны – ослабление автономии республиканской власти и ее встраивание в вертикаль власти.

Система управления, несмотря на доминирование в ней экс-номенклатурных политиков, сменила свою морфологию. В частности, теперь министерства и ведомства оказались горизонтально раздробленными, а отход от практики дублирования обусловил «закрепление» структур и должностей за определенными национальностями (схема 1). Несмотря на общие институциональные изменения, в эпоху В.М. Кокова, по его собственному признанию, важнейшим фактором политической стабильности стала продуманная этнически-ориентированная кадровая политика и баланс этнического квотирования в республиканских органах власти и состава представителей Кабардино-Балкарии на федеральном уровне [29, 175]. В переходный период 1990-1992 гг. В.М. Коков обладал навыками преодоления кризиса «в отношениях в депутатском корпусе, которые автоматически переносились на национальные отношения» [30, 308].

Кроме того, президент⁵ не скрывал сложившуюся установку: с учетом национальности министра его заместители должны были представлять другие субъектообразующие группы (кабардинцы, балкарцы, русские) [31, 244–245]. Как вспоминал один министров первого состава правительства в 1992 г. А.Г. Емузов⁶, министрам предоставлялась относительная свобода при выборе подходящих заместителей при том, что главными критериями отбора являлись уровень профессионализма и деловые качества [32, 313,

421–422]. Этнический фактор учитывался неформально, и после утверждения кандидатур Кабинетом Министров заместителями А.Г. Емузова стали балкарец и русский.

После беспрецедентного результата на выборах президента Кабардино-Балкарии в 1997 г., когда В.М. Коков набрал 99,35%, в новом правительстве числилось 12 кабардинцев, 4 русских, 7 балкарцев. Почти трехкратное превышение представительства балкарцев (на фоне демографических пропорций) после таких итогов выборов свидетельствовало о росте доверия «правилам игры» в правящей коалиции и ускорении преодоления дефицита власти в регионе. Параллельно преодолению дефицита власти в 1992-1996 г. в республику поступили значительные инвестиции в рамках республиканских и федеральных целевых программ развития, направленных на социально-экономическую сферу, энергетику, рекреационные ресурсы. Приток инвестиций и распределение ренты позволили выработать дополнительные стимулы к снижению насилия внутри правящей коалиции. В начале 2000-х гг. республиканская власть проявила свой интеграционный потенциал, обеспечив высокие показатели избирательной активности на федеральных выборах.

В условиях изменений численного состава и структуры легислатур в постсоветской Кабардино-Балкарии, наиболее заметные девиации представительства кабардинцев, как видно в таблице 1, зафиксированы в 1993 г. (профицит мест – 10,5%), русских в 1998 г. (дефицит мест – 11,9%), балкарцев в 1998 г. (профицит мест – 10,6%). В целом, три постсоветские десятилетия демонстрируют стабильность в функционировании этнического квотирования в законодательной власти Кабардино-Балкарии.

Характерной чертой усиления базового государства в России стала консоли-

дация федерального контроля над легитимным насилием в 2000-х гг. В 1992-2008 гг. МВД Кабардино-Балкарии возглавлял Х.А. Шогенов (кабардинец). К концу 2000-х гг. региональные власти утратили неформальный контроль над ведовством [33]. Федеральный центр с того времени предпочитает назначать управленцев из других регионов, что можно обозначить как возрождение практиковавшейся в советскую эпоху географической ротации (*geographic rotation*) [34, 119].

По мере стабилизации ситуации на Северном Кавказе реализовывалась новые федеральные программы экономического развития. Крупные бизнесмены примерно одновременно возглавили Кабардино-Балкарию и Адыгею – А.Б. Каноков (2005-2013 гг.) и Х.М. Сомен (2002-2007 гг.).

На эпоху А.Б. Канокова приходятся заметные девиации в этническом квотировании. Смена каналов дистрибуции ренты (доступ к субсидиям и ресурсам от проектов по развитию) проходила с учетом ориентировки президента на свои личные контакты по бизнесу, что укладывалось в федеральную стратегию развития бизнеса как площадки стабилизации северокавказских регионов. Однако опора на свои контакты в разрез интересам региональных игроков оказалась «узким клиентелистским подходом», который снизил стабильность политического урегулирования [35, 101]. По итогам избрания состава парламента IV созыва в 2009 г. сложилось гиперпредставительство кабардинцев и балкарцев на фоне заметного дефицита мест у русских депутатов (табл. 1). Наконец, еще одна нестандартная ситуация произошла тогда, когда республиканское правительство в 2012 г. возглавил Р.Т. Хасанов (кабардинец). Это изменило традиционную практику делегирования представителей балкарцев и русских на должность глав исполнительной и за-

конодательной власти республики, при том, что ключевая должность «зарезервирована» за кабардинцами. Впрочем, Р.Т. Хасанов проработал на посту меньше года и был снят с него незадолго до отставки А.Б. Канокова по собственному желанию (декабрь 2013 г.).

При следующих главах республики – Ю.А. Кокове (2014-2018 гг.) и К.В. Кокове (с 2018 г.) – выдерживается прежний баланс представительства на ключевых должностях. После выборов в парламент Кабардино-Балкарии V созыва в 2014 г. русские впервые в постсоветский период получили профицит депутатских мест (табл. 1).

Таким образом, этническое квотирование представляет собой пример долговременных институтов, которые устойчиво воспроизводятся на протяжении столетней истории Кабардино-Балкарии. С опорой на оптику институционального подхода Д. Норта советский этап истории данного феномена разделен на два периода: период хрупкого порядка (с 1920-х гг. по период возвращения и реабилитации депортированного балкарского народа) и период стабилизации и перехода к базовому порядку (вторая половина 1950-х – конец 1980-х гг.).

В целом, 1920-1980-е гг. сыграли важную роль в становлении политических институтов Кабардино-Балкарии: автономный статус и титульные национальности; институты, поддерживающие консолидацию внутри элит; долговременный доступ представителей титульных национальностей к управлению на территориях их исторического проживания. Приведенный анализ демонстрирует, что в советскую эпоху уровень доверия Центра к локальным политическим элитам заметно возрастает со второй половины 1950-х гг. Почти 30-летний режимный цикл первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома КПСС Т.К. Мальбахова утвердил основные черты этнического

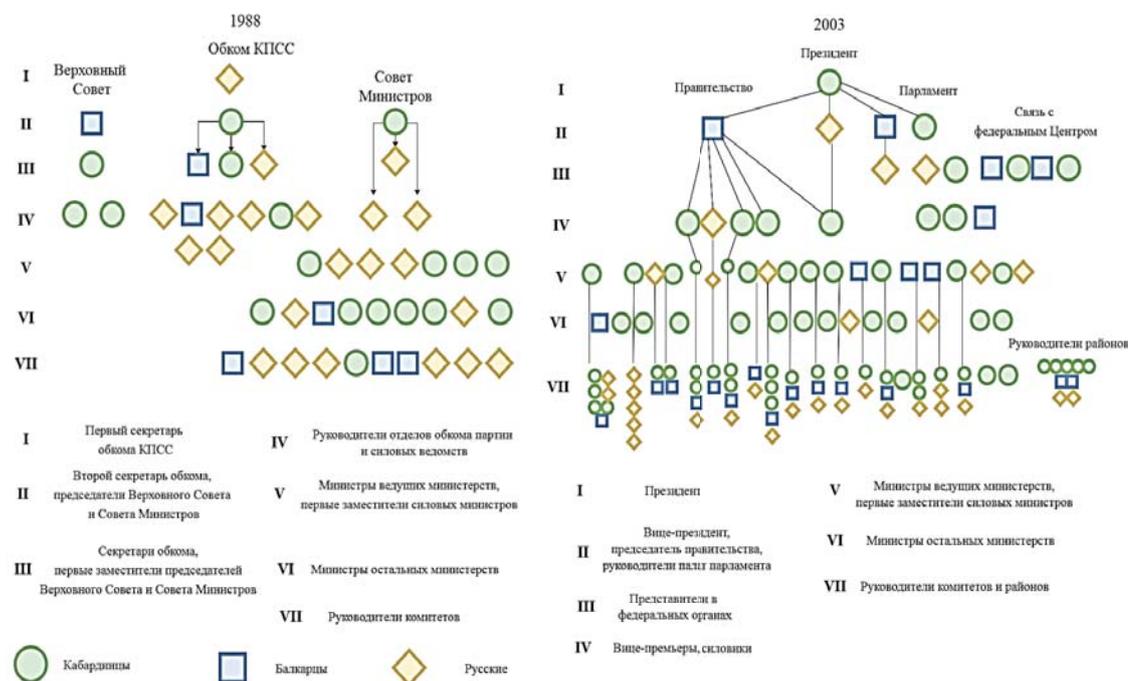

Схема 1. Структура власти в Кабардино-Балкарии в 1988 и 2003 гг.

Составлено по: Гуня А., Келер Я., Цюрхер К. Эмпирические исследования локальных конфликтов. М., 2008.

квотирования: приблизительно пропорциональное демографическим показателям представительство кабардинцев, балкарцев и русских в законодательной власти республики и конфигурацию распределения ключевых должностей между представителями этих основных стратегических групп.

Несмотря на периодические девиации, эти принципы сохранились в постсоветскую эпоху. Последняя началась с возвращения Кабардино-Балкарии (как и в целом страны) к хрупкому поряд-

ку ограниченного доступа. Этническое квотирование сыграло важную роль в консолидации политических элит республики и не последнюю роль в ускорении процесса возвращения к стабильности и базовому порядку в 2000-х гг. Долговременное воспроизводство данного института в Кабардино-Балкарии актуализирует вопросы о сравнении консоциативных регионов Северного Кавказа и причин развития в них разных моделей этнического представительства в политической сфере.

Примечания:

1. На тот момент секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б).
2. После ареста Б.Э. Калмыкова должность недолгое время занимал А.В. Кудрявцев (русский), присланный из другого региона. Это стало первым из трех советских кейсов применения географической ротации ключевой должности в Кабардино-Балкарии.
3. Образован после депортации балкарцев в 1944 г.
4. Председатель Совета Министров КБАССР (1984-1988) – председатель Центральной избирательной комиссии КБАССР/КБР (1989-1994).
5. С 2012 г. должность стала называться «Глава КБР» в рамках изменений федерального законодательства.
6. В 1992-1997 гг. министр внешних сношений и по делам национальностей, министр иностранных дел КБР.

-
1. *Terry M.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca & London: Cornell University Press, 2001. 496 p.
 2. *Scott J.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven & London: Yale University Press, 1990. 251 p.
 3. *Гуня А., Келер Я., Цюрхер К.* Эмпирические исследования локальных конфликтов. Ч. 1. Введение в методологию и методы полевых исследований. М.: Медиа-Пресс, 2008. 152 с.
 4. *Migdal J.* Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988. 296 p.
 5. *Lijphart A.* Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Haven: Yale University Press, 1977. 248 p.
 6. *Haddad S.* Lebanon: From Consociationalism to Conciliation // Nationalism and Ethnic Politics. 2009. No. 15(3-4). P. 398-416.
 7. *Walsh D.* How a Human Needs Theory Understanding of Conflict Enhances the Use of Consociationalism as a Conflict Resolution Mechanism: The Good Friday Agreement in Northern Ireland // Ethnopolitics. 2015. No. 15(3). P. 285-302.
 8. *Caluwaerts D., Reuchamps M.* Combining Federalism with Consociationalism No. 14(3). P. 277-295.
 9. *El Machnouk S.* Electoral System Reform in Lebanon: Dilemmas of a Consociational State // Ethnopolitics. 2017. No. 17(1). P. 1-20.
 10. *Nagle J.* Beyond Ethnic Entrenchment and Amelioration: An Analysis of Non-Sectarian Social Movements and Lebanon's Consociationalism // Ethnic and Racial Studies. 2017. No. 41(7). P. 1370-1389.
 11. *Аствацатурова М.А., Адиев А.З.* К проблеме теоретического осмысления «неформального этнического квотирования» в среде политико-управленческой элиты // Сборник научных статей Института социальных исследований ИнГУ. Магас: Ингушский госуд. ун-т, 2017. С. 47-64.
 12. *Магомедрасулова Р.Б.* Неформальные институты на Северном Кавказе: субъекты и ресурсы влияния на политическое пространство // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 283-286.

13. *Panov P.* In Search of Inter-Ethnic Balance: Ethnic Composition and Informal Power-Sharing in Russian National Republics // *European Politics and Society*. 2016. No. 17(3). P. 353–372.
14. *Салгириев А.Л.* Структура политической элиты в полиэтничных республиках Северного Кавказа // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2015. № 2. С. 83–88.
15. *Тетуев А.И.* Становление и развитие новой государственности народов Кабардино-Балкарии в период системной трансформации российского общества (1990–2010 гг.) // *Вестник института ИАЭ*. 2016. № 3. С. 82–89.
16. *Zhetukhov S.* The Birth of Modern Circassian Nationalism // *Nationalities Papers*. 2012. No. 40 (4). P. 503–524.
17. *Боров А.Х.* Политизированная этничность: «черкесский вопрос» – еще один очаг напряженности на Северном Кавказе? // *Общественные науки и современность*. 2014. № 3. С. 109–118.
18. *Silaev N.* Ethnicity as a Tool and Nationalities Policy as Practice: The Case of Stavropol Krai // *Caucasus Survey*. 2020. No. 8 (2). P. 196–213.
19. *North D., Wallis J., Weingast B.* Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. New York: Cambridge University Press, 2009. 308 p.
20. *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // *Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. 2019. № 3 (42). С. 39–58.
21. Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС / Отв. ред. В.К. Тлостанов. Нальчик: Эльбрус, 1971. 395 с.
22. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 88. Д. 286.
23. *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2007. 128 с.
24. *Vincent V.* The Political Economy of the Brezhnev Era: The Rise and Fall of Corporatism // *British Journal of Political Science*. 1983. Vol. 13. No. 2. P. 129–158.
25. *Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б.* В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности // Доклад к XIII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 3–5 апреля 2012 г.). М.: Высш. школа экономики, 2012. 48 с.
26. *Докишников М.И.* Главная привилегия – ответственность за других. Нальчик: Эль-фа, 1998. 197 с.
27. *Волков В.* Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Европ. ун-т, 2012. 351 с.
28. *Боров А.Х., Тумов А.А.* Элиты и постсоветская трансформация политических режимов в республиках Северного Кавказа: «случай» Кабардино-Балкарии // *Исторический журнал: научные исследования*. 2017. № 4. С. 40–55.
29. *Коков В.М.* Восхождение к идеалам. Проблемы реформирования государственного и общественного устройства. М.: Славянский диалог, 2001. 478 с.
30. *Зумакулов Б.М.* О времени и о себе. Нальчик: Тетраграф, 2017. 367 с.
31. *Коков В.М.* Дорогами реформ. Экономика и власть в условиях рыночных преобразований (Статьи, интервью, выступления). М.: Славянский диалог, 1998. 382 с.
32. *Емузов А.Г.* Через годы и расстояния. Нальчик: Тетраграф, 2015. 643 с.
33. *Казенин К., Стародубровская И.* Северный Кавказ и современная модель демо-

кратического развития. Экспертный доклад // Полит.ру [сайт]. URL: <https://polit.ru/article/2016/04/01/caucasus/>

34. Huskey E. Legacies and Departures in the Russian State Executive // Beissinger M., Kotkin S. (eds.). Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 111–127.

35. Koehler J., Gunya A., Shogenov M., Tumov A. Violence and the Dynamics of Political Settlements in Post-Soviet Kabardino-Balkaria // Perspectives on Terrorism. 2020. Vol. 14. Iss. 2. P. 93–111.

Tatarov, Azamat A. –Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University; Center for Socio-Political Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS (Nalchik, Russia); traveller9090@mail.ru

ETHNIC QUOTA-BASED GOVERNANCE AND CONSOCIATIVE MODEL IN KABARDINO-BALKARIA, 1922-2022.

Keywords: Kabardino-Balkaria, ethnic quotas, government, political settlements, fragile and basic limited-access orders.

Throughout Soviet and post-Soviet decades political management and governance in the North Caucasus have been drawing on features of the nationalities policy aimed at ethnic groups integration in consociations. This paper explores the construction of plural societies on the example of Kabardino-Balkaria and through the prism of historical institutionalism and the analysis of limited-access orders. Delving into centenary historical context, the author explores the formation of principles, formal and informal rules, which became proven attitudes for Soviet and ex-nomenklatura political leaders in Kabardino-Balkaria. In the context of institutional approach, ethnic representation appears as an institution that favors reduction of violence in the struggle for power and integrates ruling coalitions in multinational polities. The main focus is on identifying the dynamics of the ethnic quotas configuration at the regional level in the executive and legislative branches, as well as in key positions. In addition to defining ethnic quotas as, to a certain extent, inherited Soviet practices which are reproduced both in fragile and basic social orders, the paper examines cases of deviation from the conventional proportions of ethnic representation in government bodies of Kabardino-Balkaria causing drastic challenges to the unity of divided societies and the stability of political settlements. It is argued that political ethnic quotas are an important tool in preserving social and territorial integration in multiethnic Kabardino-Balkaria over the past hundred years. The long-term reproduction of this institution actualizes the issues of comparing consociative regions of the North Caucasus and different models of ethnic-quota based governance.

References

1. Terry, M. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca & London, Cornell University Press, 2001. 496 p.
2. Scott, J. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven & London, Yale University Press, 1990. 251 p.
3. Gunya, A., Koehler, J., Zurcher, C. *Empiricheskie issledovaniya lokal'nykh konfliktov. Ch. 1. Vvedenie v metodologiyu i metody polevykh issledovaniy* [Empirical Study of Local Conflicts. Part 1: Introduction to Methodology and Methods of Field Work]. Moscow, Media-Press, 2008. 152 p.

4. Migdal, J. *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1988. 296 p.
5. Lijphart, A. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven, Yale University Press, 1977. 248 p.
6. Haddad, S. *Lebanon: From Consociationalism to Conciliation*. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2009, no. 15(3–4), pp. 398–416.
7. Walsh, D. *How a Human Needs Theory Understanding of Conflict Enhances the Use of Consociationalism as a Conflict Resolution Mechanism: The Good Friday Agreement in Northern Ireland*. *Ethnopolitics*. 2015, no. 15(3), pp. 285–302.
8. Caluwaerts, D., Reuchamps, M. *Combining Federalism with Consociationalism: Is Belgian Consociational Federalism Digging its Own Grave?* *Ethnopolitics*. 2014, no. 14 (3), pp. 277–295.
9. El Machnouk, S. *Electoral System Reform in Lebanon: Dilemmas of a Consociational State*. *Ethnopolitics*. 2017, no. 17(1). pp. 1–20.
10. Terry, M. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. Ithaca & London, Cornell University Press, 2001. 496 p.
11. Scott, J. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven & London, Yale University Press, 1990. 251 p.
12. Gunya, A., Koehler, J., Zurcher, C. *Empiricheskie issledovaniya lokal'nykh konfliktov. Ch. 1. Vvedenie v metodologiyu i metody polevykh issledovaniy* [Empirical Study of Local Conflicts. P. 1: Introduction to Methodology and Methods of Field Work]. Moscow, Media-Press, 2008. 152 p.
13. Migdal, J. *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1988. 296 p.
14. Lijphart, A. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven, Yale University Press, 1977. 248 p.
15. Haddad, S. *Lebanon: From Consociationalism to Conciliation*. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2009, no. 15(3–4), pp. 398–416.
16. Walsh, D. *How a Human Needs Theory Understanding of Conflict Enhances the Use of Consociationalism as a Conflict Resolution Mechanism: The Good Friday Agreement in Northern Ireland*. *Ethnopolitics*. 2015, no. 15(3), pp. 285–302.
17. Caluwaerts, D., Reuchamps, M. *Combining Federalism with Consociationalism: Is Belgian Consociational Federalism Digging its Own Grave?* *Ethnopolitics*. 2014, no. 14 (3), pp. 277–295.
18. El Machnouk, S. *Electoral System Reform in Lebanon: Dilemmas of a Consociational State*. *Ethnopolitics*. 2017, no. 17(1). pp. 1–20.
19. Nagle, J. *Beyond Ethnic Entrenchment and Amelioration: An Analysis of Non-Sectarian Social Movements and Lebanon's Consociationalism*. *Ethnic and Racial Studies*. 2017, no. 41(7), pp. 1370–1389.
20. Astvatsaturova, M.A., Adiev, A.Z. *K probleme teoreticheskogo osmysleniya "neformal'nogo etnicheskogo kvotirovaniya" v srede politiko-upravlencheskoi elity* [On the Issue of Theoretical Understanding of "Informal Ethnic Quotas" among the Political and Administrative Elite]. *Sbornik nauchnykh statei Instituta sotsial'nykh issledovaniy IngGU* [Collection of Scientific Articles of the Institute for Social Research of the Ingush State University]. Magas, Ingush State University, 2017, pp. 47–64.
21. Magomedrasulova, R.B. *Neformal'nye instituty na Severnom Kavkaze: sub'ekty i resursy vliyaniya na politicheskoe prostranstvo* [Informal Institutions in the North Caucasus: Subjects

and Resources of Influence on the Political Space]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. 2013, no. 8, pp. 283–286.

22. Panov, P. In Search of Inter-Ethnic Balance: Ethnic Composition and Informal Power-Sharing in Russian National Republics. *European Politics and Society*. 2016, no. 17 (3), pp. 353–372.

23. Salgiriev, A.L. *Struktura politicheskoi elity v polietnichnykh respublikakh Severnogo Kavkaza* [Structure of the Political Elite in the Multi-Ethnic Republics of the North Caucasus]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [RUDN journal of Political Science]. 2015, no. 2, pp. 83–88.

24. Tetuev, A.I. *Stanovlenie i razvitie novoi gosudarstvennosti narodov Kabardino-Balkarii v period sistemnoi transformatsii rossiiskogo obshchestva (1990–2010 gg.)* [Formation and Development of the New Statehood of the Peoples of Kabardino-Balkaria During the Period of Systemic Transformation of Russian Society (1990–2010)]. *Vestnik instituta IAE* [Herald of the Institute of History, Archaeology and Ethnography]. 2016, no. 3, pp. 82–89.

25. Zhemukhov, S. The Birth of Modern Circassian Nationalism. *Nationalities Papers*. 2012, no. 40(4), pp. 503–524.

26. Borov, A.Kh. *Politizirovannaya etnichnost': "cherkesskii vopros" – eshche odin ochag napryazhennosti na Severnom Kavkaze?* [Politicized Ethnicity: Is the “Circassian Question” Another Hotbed of Tension in the North Caucasus?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2014, no. 3, pp. 109–118.

27. Silaev, N. *Ethnicity as a Tool and Nationalities Policy as Practice: The Case of Stavropol Krai*. *Caucasus Survey*. 2020, no. 8 (2), pp. 196–213.

28. North, D., Wallis, J., Weingast, B. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. New York, Cambridge University Press, 2009. 308 p.

29. Dzamikhov, K.F., Kazharov, A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the National Statehood of the Peoples of Kabardino-Balkaria: The History of Formation and Constitution (Early 1920s)]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy* [Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanities Research]. 2019, no. 3 (42), pp. 39–58.

30. Tlostanov, V.K. (ed.) *Ocherki istorii Kabardino-Balkarskoi organizatsii KPSS* [Essays on History of the Kabardino-Balkarian Organization of the CPSU]. Nalchik, El'brus, 1971. 395 p.

31. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History]. Fund. 17. Inventory. 88. Case. 286.

32. Tsutsiev A.A. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774–2004)* [Atlas of the Ethnopolitical History of the Caucasus (1774–2004)]. Moscow, Evropa, 2007. 128 p.

33. Bunce, V. The Political Economy of the Brezhnev Era: The Rise and Fall of Corporatism. *British Journal of Political Science*. 1983, vol. 13, no. 2, pp. 129–158.

34. North D., Wallis J., Webb S., Weingast B. *V teni nasiliya: uroki dlya obshchestv s ogranichennym dostupom k politicheskoi i ekonomicheskoi deyatelnosti* [In the Shadow of Violence: Lessons for Societies with Limited Access to Political and Economic Activities]. *Doklad k XIII Aprel'skoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva (Moskva, 3–5 aprelya 2012 g.)* [Report to the XIII April International Scientific Conference on Economic and Social Development (Moscow, April 3–5, 2012)]. Moscow, Higher School of Economics, 2012. 48 p.

35. Dokshokov, M.I. *Glavnaya privilegiya – otvetstvennost' za drugikh* [Main Privilege is Responsibility for Others]. Nalchik, El'-fa, 1998. 197 p.

36. Volkov, V. *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Power Entrepreneurship, XXI Century: Economic and Sociological Analysis]. St. Petersburg, European University, 2012. 351 p.

37. Borov, A.Kh., Tumov, A.A. *Elity i postsovetskaya transformatsiya politicheskikh rezhimov v respublikakh Severnogo Kavkaza: "sluchai" Kabardino-Balkarii* [Elites and the Post-Soviet Transformation of Political Regimes in the North Caucasus republics: The Case of Kabardino-Balkaria]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical journal: Scientific Research]. 2017, no. 4, pp. 40–55.

38. Kokov, V.M. *Voskhozhdenie k idealam. Problemy reformirovaniya gosudarstvennogo i obshchestvennogo ustroistva* [Rise to Ideals. Problems of Reforming the State and Social Structure]. Moscow, Slavyanskii dialog, 2001. 478 p.

39. Zumakulov, B.M. *O vremeni i o sebe* [About Time and Myself]. Nalchik, Tetragraf, 2017. 367 p.

40. Kokov, V.M. *Dorogami reform. Ekonomika i vlast' v usloviyakh rynochnykh preobrazovaniy. (Stat'i, interv'yu, vystupleniya)* [Roads of Reform. Economy and Power in the Conditions of Market Transformations (Articles, Interviews, Speeches)]. Moscow, Slavyanskii dialog, 1998. 382 p.

41. Emuzov, A.G. *Cherez gody i rasstoyaniya* [Through Years and Distances]. Nalchik, Tetragraf, 2015. 643 p.

42. Kazenin, K., Starodubrovskaya, I. *Severnyi Kavkaz i sovremennaya model' demokraticeskogo razvitiya. Ekspertnyi doklad* [The North Caucasus and Modern Model of Democratic Development. Expert report]. Polit.ru [Web-site]. URL: <https://polit.ru/article/2016/04/01/caucasus/>

43. Huskey, E. *Legacies and Departures in the Russian State Executive*. Beissinger, M., Kotkin, S. (eds.). *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014, pp. 111–127.

44. Koehler, J., Gunya, A., Shogenov, M., Tumov, A. *Violence and the Dynamics of Political Settlements in Post-Soviet Kabardino-Balkaria. Perspectives on Terrorism*. 2020, vol. 14, iss. 2, pp. 93–111.